

The Book of Swords

EDITED BY
GARDNER DOZOIS

BANTAM
NEW YORK

Robin Hobb

□ □ □

Нью-Йорк Таймс бестселлер: Робин Хобб сегодня является одним из самых популярных писателей фэнтези, продав более миллиона экземпляров книг в бумаге. Она, возможно, главным образом известна своим эпическим циклом о Видящих, включающем Ученика Убийцы, Королевского Убийцу, Странствия Убийцы, а также двум циклам, связанным с ним, - серией книг о Торговцах Живых Кораблей, состоящей из Вошебного Корабля, Безумного Корабля и Корабля Судьбы, и циклом книг о Смуглом Человеке, - Миссия Шута, Золотой Шут и Судьба Шута. Она также является автором серии «Сын Солдата», включающей книги Дорога Шамана, Лесной Маг, Магия Отступника, и серии «Хроники Дождевых Чашоб», в которую включены Хранитель Драконов, Драконья Гавань, Город Драконов и Кровь Драконов. Совсем недавно она начала новую серию, трилогию «Фитц и Шут», состоящую из Убийцы Шута, Странствий Шута и, выходящей в 2017 году, Судьбы Убийцы. Хобб также пишет под своим настоящим именем Меган Линдхольм. Книги Мэган Линдхольм включают романы-фэнтези Голубиный Маг, Полет Гарпии, Поющие с Ветром, Врата Лимбрета, Удача Колес¹, Оленьи Люди, Брат Волка и Раздвоенные Копыта, а также научно-фантастический роман Чужая Земля и, совместно со Стивеном Брастом, роман Цыган. Самое последнее произведение Линдхольм опосредованно связано с подборкой Робин Хобб «Наследие и другие истории».

В этой захватывающей истории Фиц Чивэл Видящий посещает поселение, захваченное во время войны Красных кораблей, где несчастным жителям приходится сталкиваться с трудными выборами, ни один из которых не хорош, а некоторые из них много хуже других.

□ □ □

¹ В оригинале аннотации *Luck of the Wolves*, но на самом деле *Luck Of The Wheels*. – Здесь и далее примечания переводчика

МЕЧ ЕЁ ОТЦА

РОБИН ХОББ

Таура заёрзала на своей смотровой площадке. Она коченела от холода, а называть сторожевой площадкой два тонких бревна, привязанных поперек пары крепких сучьев, было уж чересчур. Ровная поверхность была бы гораздо удобнее для ее задницы и спины. Она присела на корточки и снова проверила положение луны. Когда та будет над пиком Ласт Шанс Пойнт², её стража закончится, и Керри придет сменить её. В теории.

Ей поручили наименее вероятное место из тех, где могут попытаться проникнуть в поселок. С ее дерева просматривалась тропа торговцев, ведущая от побережья вглубь, к рынку в Хайраунде, где они продавали свою рыбу. Маловероятно, чтобы Перекованные пришли с этого направления. Всех захваченных повытаскивали из их домов и погнали на берег. Пленные жители шли мимо своих сожженных рыбацких лодок и разграбленных коптилен. Мальчишка, дерзнувший проследить за угоняемой матерью, рассказал, что налетчики заставили всех сесть в лодки и отвезли на корабль с окрашенным в красное корпусом, стоявший на якоре в море. Так что, увезенные в море, они могли бы вернуться лишь из волн.

Таура видела, как их уводят, из своего укрытия среди ветвей большой ивы, с которой можно было следить за всей гаванью. Казалось, что налетчикам все равно, кого они захватили. Она видела старую Па Гримби и Сэйл Гриноук, несшую грудного ребенка. Она видела маленьких двойняшек Бодби, и Келию, и Рудан, и Коуп. И отца, рычащего и нетвердо держащегося на ногах, с лицом, с одной стороны залитым кровью. Она знала поименно почти каждого из пленников. Коптильня³ не была большим поселком. В ней жили, пожалуй, человек шестьсот.

Вернее, было, наверное, шестьсот. До набега.

После набега, после того, как были потушены пожары, Таура помогала укладывать трупы. После сорока она перестала считать, теперь это были просто тела, уложенные в штабель в восточном конце. Еще один погребальный костер устроили неподалеку от покосившегося причала. Нет. Уже не было никакого покосившегося причала. Были обугленные сваи, торчащие из воды рядом с затонувшими островами небольшой рыбацкой флотилии. Среди них была и лодка ее отца. Все эти перемены произошли настолько быстро, что их трудно было осознать. Сегодня вечером она решила сбегать домой и взять более теплый плащ. Затем вспомнила, что ее дом – еще влажная зола и обугленные деревянныешки. И он был далеко не единственным таким. Были сожжены пять соседних домов и еще десятки других в поселке. Даже большой дом Келпа, двухэтажный, еще не законченный, ныне был дымящейся грудой бревен.

Она передвинулась и почувствовала, как что-то уткнулось в зад. Она уселась на свой свисток, свисающий на шнурке. Совет выдал ей дубинку и свисток, чтобы она дула в него, если заметит, что кто-нибудь приближается. Два сильных свиста призвали бы крепких

² Робин Хобб переносит в Мир Элдерлингов географию Соединенных Штатов. *Last Chance Point* – гора в штате Вашингтон, примерно 48,67 СШ, 120,57 ЗД.

³ В оригинале *Smokerscot*. – переводчик следует сложившейся при переводах произведений Робин Хобб традиции перевода названий малых прибрежных поселений Шести Герцогств.

мужчин из поселка с их «оружием». Они пришли бы со своими палками, топорами и баграми. А у Джелина был бы меч ее отца. Но что, если никто не придет на ее свист? У нее была дубинка. Как будто бы она собиралась спуститься с дерева и попытаться врезать кому-нибудь. Как будто бы она могла ударить человека, которого знала с малолетства.

Её настороженный слух уловил мерный перестук копыт. Лошадь? Солнце уже давно закатилось, а в Коптильню в любое время заезжали немногие путники, если не считать рыботорговцев, которые прибывали в конце лета, чтобы заключить сделки на весь улов красной рыбы. Но зимой, ночью? Кто бы мог приехать этим путем? Всматриваясь в темноту, она следила за узкой полоской плотно утоптанной земли, тянувшейся сквозь лесистые холмы к Хайраунду.

В поле зрения появились лошадь и всадник на ней. Одиноким всадник и лошадь, несущая на седле бесформенный тюк перед седоком и два пухлых панье позади него.⁴ Пока она присматривалась, тюк изогнулся и издал протяжный жалобный вой, а затем во всю глотку излилась ярость разгневанного ребенка.

Она один раз сильно дунула в свисток, сигналив «Возможно, опасность». Всадник остановился и пристально посмотрел в ее сторону. Он не разомкнул рук, сцепленных вокруг своего груза. В самом деле, пожалуй, это было все, что он мог сделать, чтобы удержать ребенка, сидевшего перед ним. Она встала, слегка потянувшись корпусом, чтобы хотя бы немного снять напряженность окоченевших мышц, и начала спускаться. К тому времени, когда она добралась до земли, появились Марва и Карбер. И Керри, которому уже давно пора было бы прийти и сменить ее. Они стояли с длинными палками в руках, преграждая путь всаднику, и пытались расспросить его, перекикивая вопли ребенка. В свете их факелов она рассмотрела юношу, темноглазого и черноволосого. На нем был плотный шерстяной плащ синего баккского цвета. Ей стало любопытно, что в его седельных панье.

В конце концов он крикнул, - Кто-нибудь заберет у меня этого пацана? Он утверждает, что его зовут Пиви, а имя его матери – Келия! Он сказал, что жил в Коптильне, и показал эту дорогу. Он действительно здешний?

- Мальчик Келии! – воскликнула Марва и подошла ближе, чтобы рассмотреть брыкающегося и извивающегося ребенка. – Пиви! Пиви, это я, твоя кузина Марва. Ну иди же ко мне! Иди ко мне.

Когда молодой человек начал спускать ребенка с высоты своей вороной⁵, мальчишка извернулся стукнуть его и завопил – Ненавижу тебя! Ненавижу! Пусти меня!

Марва вдруг отступила назад. – Он перекован, не так ли? О, милостивая Эда, что же нам делать? Ему всего четыре года и он у Келии единственный ребенок. Пираты, видимо, схватили его вместе с нею. Я думала, он погиб в пожарище.

- Он не перекован, - слегка раздраженно сказал всадник. – Он сердится, потому, что мне нечем его покормить. Пожалуйста, заведи его. - Мальчишка пнул ногами в бок лошади и стал бессвязно вопить что-то о матери. Марва шагнула вперед. Пиви несколько раз лягнул и

⁴ Панье (*pannier*) – что-то вроде

в отличие от обычной переметной сумы

⁵ «Ученик убийцы»: *She was gray, with a hint of dapple in her coat. Her mane and tail, nose and stockings were blackened as if she'd gotten into soot. And that, too, was her name.* Фитц ездил на темно-мышастой Суути/Уголке, но никак не на вороной лошади: *«As the man started to lower the child from his **tall black mount**...»*

ее, прежде чем она подхватила его на руки. – Пиви, Пиви, это я, тебе ничто не угрожает! О, милый, теперь ты в безопасности. Ты такой холодный! Ты можешь успокоиться?

- Я есть хочу! – закричал мальчик. – Я замерз. Меня покусали комары⁶, и я порезал руки ракушками, а мама столкнула меня с лодки! Она столкнула меня в темную воду и ей было все равно! Я кричал, а лодка ушла, оставив меня в воде! И волны понесли меня, и мне пришлось выбираться на скалы, а потом я потерялся в лесу! – Пронзительным детским голосом он выкрикивал свои жалобы.

Таура встала рядом с Керри. – Сейчас твоя стража, - напомнила она.

- Я знаю, - ответил он, свысока взглянув на нее. Она пожала плечами. Она напомнила ему. Следить за исполнением его части обязанностей не входило в ее задачу. Свою часть она выполнила.

Незнакомец спешил. Он повел свою лошадь в поселок, уверенный в своем праве так поступать. Таура обратила внимание на то, как все расступаются перед ним, даже не пытаясь его остановить. Что ж, он явно не перекованный. Перекованный никогда бы не помог ребенку. Он сочувственно взглянул на мальчика, которого Марва держала на руках. – Это многое объясняет. – Он посмотрел на Карбера. – Мальчик выскочил из леса прямо перед моей лошадью, плачущий и зовущий на помощь. Я рад, что кто-то из его родни жив и может приютить его. И очень сожалею, что на вас напали. Вы не единственные. Выше по побережью на прошлой неделе было нападение на Сорокопут⁷. Вот куда меня послали.

- И кто же ты? – с подозрением потребовал ответа Карбер.

К королю Шрюду прилетела птица из Сорокопута, и он сразу отправил меня. Мое имя – Фитц Чивэл Видящий. Меня послали на помощь в Сорокопут. Я и не знал, что на вас тоже напали. Я не могу долго задерживаться, но я могу рассказать все, что вам требуется знать, чтобы справиться. – Он заговорил громче, обращаясь ко всем, кто вывалил на улицу, чтобы разобраться, что означает сигнал Тауры. – Я могу научить вас, как следует обращаться с Перекованными. В той мере, в какой мы знаем, как с ними обращаться. – Он окинул взглядом окружающих его и заговорил еще громче. – Король послал меня помочь таким людям, как вы. Мужчины могут оставаться на своих постах, но вам следует собрать всех, живущих в поселке. Мне нужно говорить с вами со всеми. Ваши Перекованные могут вернуться в любой момент.

- Один человек? – Гневно спросил Карбер. – Мы послали весть нашему королю, что на нас напали, что наших людей захватили пираты с Красного корабля, а он посылает одного человека?

- Ублюдка Чивэла, - произнес кто-то. Голос был похож на голос Хедли, но в сумраке Таура не могла судить определенно. Жители выходили из оставшихся домов и присоединялись к группе людей, растянувшейся вслед за посланцем и его лошадью. Этот мужчина проигнорировал оскорбление.

- Король послал меня не сюда, а в Сорокопут. Я свернул с дороги, чтобы отвезти вам мальчика. Налетчики не сожгли ваш постоялый двор? Я был бы признателен за еду и место в

⁶ (Недоуменно) Какие могут быть комары зимой?! (*I'm cold. Mosquitoes bit me...*)

⁷ В оригинале *Shrike*, название дано в переводе. Сорокопут, певчий хищный родич воробья:

стойле для лошади. Всю прошлую ночь мы ехали под дождем. Да и постоянный двор неплохое место, где собравшиеся могли бы выслушать то, что я должен рассказать.

- В Коптильне никогда не было постоянного двора. Нужды в нем не было. Дорога здесь заканчивается, у побережья. Каждый, кто здесь живет, ночью спит в своей собственной постели. – Карбер говорил так, как будто был оскорблен тем, что человек короля мог вообразить себе, что в Коптильне был постоянный двор.

- Так было, - тихо произнесла Таура. – Теперь у многих из нас нет постели. – Где она собиралась уснуть сегодня? Пожалуй, в доме у соседей. Джелин предложил ей одеяло на полу у своего очага. Ее мать сказала, что это добрый поступок. По-соседски. Её младший брат Геф в точности повторил эти слова. И когда Джелин попросил, они отдали ему отцовский меч. Будто они отдавали долг за то, что он поступил порядочно. Этот меч был одной из немногих вещей, что удалось вынести из дома, когда его подожгли налетчики. – Твой брат слишком молод, а ты никогда не будешь достаточно сильна, чтобы им махать. Пусть он будет у Джелина. – Так сказала ее мать. Так сказала мать и сурово шикнула на неё, когда она узнала, что именно они сделали. – Не забывай, что говорил твой отец. Делай то, что нужно, чтобы выжить, и не оглядывайся назад.

Таура хорошо помнила, когда именно он это сказал. Он и его команда из двух человек выбросили за борт большую часть улова, чтобы уйти от внезапно налетевшего шторма. Таура подумала, что одно дело – уступить что-нибудь ценное, чтобы остаться в живых, и совсем другое – отдать последнюю дорогую вещь, которая у них была, чванливому фанфарону. Её мать может говорить, что ей никогда не стать достаточно сильной, чтобы драться этим мечом, но ей неизвестно, что Таура уже может его поднять. Несколько раз, когда отец вечерами выносил меч для того, чтобы начисто протереть его и смазать свежим маслом, он позволял ей его подержать. Ей всегда приходилось держать его обеими руками, однако в последний раз она смогла сделать замах и рубящее движение, хотя и неуклюже. Папа тогда издал хриплый смешок. – Сердце, не мускулы. К тому же скверно. Мне бы иметь высокого сына с твоим характером. - Он искоса взглянул на Гефа и тихо пробормотал, – Или хоть какого-то сына с умом.

Но она не была сыном и, не унаследовав габариты и силу своего отца, пошла в мать, была такой же маленькой. Она достигла возраста, когда могла бы уже работать в лодке рядом с отцом, однако он никогда не брал ее с собой. – На палубе недостаточно места для того, чьи руки не в состоянии вытянуть всю тяжесть обязанностей матроса. Это очень плохо. – И на этом была поставлена точка. Все же в конце месяца он снова позволил ей взяться за обнаженный меч. Она дважды рубанула им прежде, чем вес меча вернул ее на землю.

И отец улыбнулся ей.

Но сейчас с ними не было отца, угнанного налетчиками с Красного Корабля. И не было никаких вестей от него.

Таура была старшей, меч должен был принадлежать ей, неважно, может ли она рубить им, или нет. Но каким образом это могло бы произойти в действительности, она не могла сказать. Она возвратилась после переноски тел в погребальный костер, пришла в дом Джелина лишь для того, чтобы увидеть меч в ножнах, прислоненный в углу, точно какая-то метла! Она, мать и Геф могли спать на полу в доме Джелина, а он мог обладать последней ценной вещью, принадлежавшей их семье. И ее мать думала, что это правильно? Что это

была честная сделка? Для него ничего не стоило позволить им спать на его полу. Определенно, ее мать понятия не имела о том, как выжить.

Не думай об этом.

- ... сарай для копчения рыбы, - говорил Карбер. В это время он обыкновенно пуст. Но мы можем зажечь огонь для обогрева, а не для коптильни и собрать там всех жителей.

- Это было бы неплохо, - сказал незнакомец.

Марва улыбнулась ему. Пиви перестал сопротивляться. Он обнял за шею свою двоюродную сестру и зарылся лицом в ее плащ. – В нашем доме есть комната, где вы могли бы выспаться, сэр. И также много места в нашем сарае для коз, чтобы поставить вашу лошадь. – Ее улыбка не могла скрыть горечи. – Нам удалось сохранить мало скота. Все, что пираты не смогли забрать с собой, они перебили.

- Мне жаль слышать это, - ответил он устало, и Тауре показалось, что это была история, которую он уже слышал раньше, и, возможно, именно так он всегда и отвечал.

Карбер отправил несколько резвых посыльных по городку, созывая жителей в рыбную коптильню. Таура почувствовала прямо-таки детское удовлетворение, когда он приказал Керри занять пост. Она последовала за толпой в сарай. Несколько семей уже укрывались там. Они разожгли огонь и обустроили временные домашние хозяйства в разных частях сарая.

Думала ли ее мать о том, чтобы прийти сюда? По крайней мере, они оставались бы отдельной семьей со своим хозяйством. И у них по-прежнему был бы меч отца.

Пока жители поселка собирались в похожем на амбар сарае, всегда пахнувшим рыбой и дымом ольховых поленьев, Карбер перевернул ящик, чтобы посланник мог на него встать. Народ стекался медленно, и Таура видела нарастающее нетерпение чужака. Наконец он поднялся на свой маленький помост и потребовал тишины. - Мы не можем рисковать ждать дольше. Перекованные могут вернуться в ваш городок в любой момент. Это то, что нам точно известно. Это именно тот образ действий, которому следуют пираты Красных Кораблей с того самого первого набега на Кузницу, когда они вернули половину его жителей бездушными призраками самих себя. – Он посмотрел вниз на собравшихся и увидел замешательство на лицах окружавших его людей. Он заговорил более просто. - Приходят красные корабли. Налетчики убивают и грабят, но действительное разорение происходит уже после того, как они ушли. Они уводят с собой тех, кого вы любите. Они что-то делают с ними, что-то, чего мы не понимаем. Они удерживают их какое-то время, а затем возвращают их обратно вам, их семьям. Они возвратятся утомленными, голодными, промокшими и промерзшими. Они будут выглядеть в точности, как ваши родственники, и они будут звать вас по имени. Но это будут уже не те люди, которых от вас увели.

Он посмотрел на собравшихся и покачал головой, надеясь и не веря в то, что его слова кого-то расшевелят. Таура ожидала, что он попытается объяснить еще. – Они вспомнят ваши лица и ваши имена. Отец будет знать имена своих детей, а пекарь вспомнит свои противень и печь. Они будут разыскивать свои дома. Но вам не следует пускать их в свой городок и в свои жилища. Потому что они не станут заботиться ни о ком из вас, но лишь о себе. С ними придут воровство и избиения, убийства и изнасилования.

Таура уставилась на него. Его слова не имели никакого смысла. На других лицах отражалось то же смутение, на что юноша лишь горестно покачал головой. – Это трудно объяснить. Отец выхватит еду изо рта своего маленького сына. Если у вас есть что-нибудь, что они захотят иметь, они отберут это, не считаясь с тем, какое насилие им придется применить. Если они голодны, они заберут себе всю пищу, выгонят вас из дома, если им потребуется крыша над головой. – Упавшим голосом он добавил, - Если они станут испытывать похоть, они будут насиловать. – Он обвел всех взглядом, затем добавил еще. – Они изнасилуют кого угодно.

Он покачал головой, видя недоверие на их лицах. – Пожалуйста, послушайте меня! Все, что вы слышали о Перекованных, все эти слухи, что дошли до вас, - все это правда. Идите сейчас по домам и постарайтесь укрепиться в них. Закройте ставни на окнах, убедитесь в прочности засовов на дверях. Организуйте людей, которые будут защищать ваш городок. Соберите их. Вооружитесь. Вы расставили посты. Это хорошо.

Он вздохнул, и Таура воспользовалась паузой. – Но что нам делать, когда они придут?

Он посмотрел на нее. Наверное, когда он был не таким усталым и замерзшим, он был красивым мужчиной. Сейчас же его скулы покраснели, темные волосы слиплись от дождя или от пота. Измученные карие глаза. – Тот человек, которого уведут, к тебе уже не возвращается. Перекованный не превратится обратно в того человека. Никогда. – Камнем упали его следующие слова. – Вы должны быть готовы убить их. Прежде, чем они убьют вас.

Внезапно Таура возненавидела его. Красивый он или нет, но он говорил о ее отце. Ее отце, большом, сильном Барке, возвратившемся с дневной рыбалки, безоружном и совершенно не готовым к тому, чтобы быть сбитым на землю и уволоченным прочь. Когда ее мать закричала, чтобы она бежала и пряталась, она так и сделала. Она была так уверена в том, что ее отец, ее большой и сильный папа с боем пробьет себе путь сквозь налетчиков. И она ничего не сделала, чтобы ему помочь. Она пряталась среди густых ветвей ивы, пока его уводили.

На следующее утро они с матерью нашли друг друга, когда вернулись к тому, что осталось от их дома. Геф стоял в сторонке и причитал, будто ему было пять, а не тринадцать. Они не стали мешать ему просто стоять и плакать. Им обоим было ясно, что здесь и сейчас им не достучаться до её простоватого брата. В измороси леденящего дождя они перерыли обугленные деревяшки и толстый слой пепла от соломенной крыши, которыми стал их дом. Спасать было почти нечего. Геф стоял и вопил, пока Таура с матерью копались в тлеющих головешках. Несколько кастрюль и три шерстяных одеяла нашлись в толстенном шкафу, который каким-то чудом не прогорел. Миска и три тарелки. Затем она нашла, защищенный упавшими бревнами и необгоревший, отцовский меч в изящных ножнах. Меч, который спас бы его, будь он с ним.

Никчемный Джелин заявляет теперь, что меч его. Меч, который должен был бы принадлежать ей. Она знала, как отец отреагировал бы на этот обмен их матерью меча на крышу над головой. Думая о папе, она плотно поджала губы. Барк не был самым добрым и самым нежным отцом, как можно было бы вообразить. На самом деле он был очень похож на Перекованного, каким его описал человек короля. Он ел первым и самое лучшее из еды и всегда ожидал, что ему будут уступать во всем. Он был скор на затрещину и медлителен на похвалу. В юности он был воином. Если ему что-то требовалось, он находил способ

получить это. В ней тлеет слабенький огонек надежды. Может быть, даже перекованный, он сможет остаться ее отцом. Он сможет вернуться домой, ну-у, в поселок, где некогда был их дом. Он сможет встать рано, до зари, чтобы вывести свое маленькое суденышко...

Ох. Их лодка ныне на дне, лишь верхушка мачты торчит из воды.

Однако она знала своего отца. Он бы знал, как ее поднять. Он бы знал, как заново построить их дом. Может быть, каким-то образом возможно возвращение ее обычной жизни. Просто ее семья, сидящая вечером у собственного очага. Своя еда на своем столе, свои постели...

И он также забрал бы назад свой меч.

Человек короля немногого добился в попытке убедить жителей в том, чтобы не допустить в поселок их вернувшихся родичей, тем более убить их. Она усомнилась в том, что он знает, о чем говорит; ведь очевидно, что если мать узнала своего ребенка и вспомнила его имя, она должна же вспомнить, что заботилась об этом ребенке! Как может быть иначе?

Он очень скоро осознал, что не в силах их убедить. Его голос упал. – Я устрою мою лошадь и проведу здесь ночь. Если вы захотите, чтобы я помог укрепить какие-то из ваших жилищ, или этот сарай, я это сделаю. Но если вы будете внутренне не готовы, я мало чем смогу помочь. Ваш городок не единственный, подвергшийся перековке. Король послал меня в Сорокопут. Сюда привел меня случай.

Заговорил старый Хилин. – Мы знаем, как о себе позаботиться. Если Килин вернется, он все равно останется моим сыном. С чего бы мне не накормить его и не впустить в дом?

- Ты думаешь, я убью своего отца только потому, что он ведет себя эгоистично? Ты безумец! Если ты – это та помощь, которую король Шрюд нам посылает, нам лучше вообще обойтись без неё.

- Кровь гуще, чем вода! – крикнул кто-то, и внезапно все взгляды, обращенные к королевскому посланцу, стали угрожающими.

Его лицо затопила усталость. – Как пожелаете, - безжизненным голосом произнес он.

- И в самом деле, как пожелаем! – выкрикнул Карбер. – Ты думал, никто не заглянет в корзины, что на твоей лошади! Они набиты буханками хлеба! И ты, видя, до какой степени мы разорены, тем не менее, ничего не сказал нам и не предложил поделиться! И кто же теперь бессердечный и эгоистичный, Фитц Чивэл Видящий? – Карбер воздел руки и крикнул в толпу, - Мы просим короля Шрюда прислать нам помощь, и он посылает одного человека, к тому же ублюдка! Он скрывает хлеб, который мог бы накормить наших детей, и советует нам перебить наших близких. Это не та помощь, которой мы искали!

- Надеюсь, вы ничего не трогали, - ответил молодой человек. Его взгляд, только что такой искренний, стал отрешенным и мрачным. – Этот хлеб отравлен. Он предназначен для Перекованных в Сорокопуте. Для того, чтобы прикончить их и положить там конец убийствам и изнасилованиям.

Карбер выглядел ошеломленным. Затем крикнул, - Убирайся! Покинь поселок немедленно, сейчас же! С нас достаточно и тебя, и твоей «помощи». Прочь!

Видящий не дрогнул. Он окинул взглядом собравшихся. Затем спрыгнул с ящика вниз. – Как пожелаешь. – Он говорил негромко, но произносимые им слова были слышны

всем. – Если вы не поможете себе сами, я ничего не могу поделать. Я просто продолжу свой путь. Когда я покончу с моими делами в Сорокопуге, я вернусь. Возможно, к тому времени вы будете готовы прислушаться.

- Это вряд ли, - с ухмылкой ответил Карбер.

Королевский посланник медленно двинулся к дверям. Он не положил руку на рукоять меча, но толпа отхлынула в стороны, освобождая ему путь. Таура была одной из тех, кто следовал за ним. Его лошадь все еще оставалась привязанной снаружи. Крышка одного из панье была приоткрыта. Мужчина задержался, чтобы закрыть ее понадежнее. Похлопал лошадь по холке, отвязал ее, сел в седло и уехал во тьму, не оглянувшись. Он ушел так же, как и пришел, с медленно утихающим перестуком копыт его лошади.

Утром дождь продолжался вместе с тянущимся днем. Никто из похищенных не вернулся. В бухте уже не было стоявшего на якорю красного корабля. Джелин принялся утверждать свою власть над ее семьей. Ее мать помогала готовить еду, а Геф принялся собирать дровяшки, которые могли бы пригодиться для ремонта или для очага. Когда Таура вошла, отстояв свою стражу, Джелин приказал ей заняться его младшим братом, чтобы его жена, Дарда, смогла бы отдохнуть. Кордел был избалованным, сопливым ребенком двух лет от роду, который еще учился ходить, стучась обо все предметы вокруг, и начинавшим визжать, когда ему выговаривали. Его одежда была постоянно испачкана, и они рассчитывали, что Таура прополощет его грязные подгузники и развесит их сушиться над огнем. Как будто хоть что-то можно было высушить в эти холодные, промозглые дни, которые следовали за нападением. Когда Таура выразила неудовольствие, ее мать поспешно напомнила ей, что некоторые жители укрываются под сохранившимися парусами, или спят на грязном полу рыбной коптильни. И говорила она тихо, будто боялась, что Джелин подслушает ее сетования и выгонит вон. Она сказала Тауре, что ей следовало бы помощью выказать признательность хозяевам, пустившим ее к себе.

Таура не испытывала никакой признательности. Она испытывала раздражение при виде того, как ее мать готовит и убирается, подобно прислуге в чужом доме. Еще хуже было наблюдать, как Геф повсюду следует за Джелином, как стремящийся угодить ему щенок. И выглядело это вовсе не так, как если бы Джелин относился к нему хорошо. Нет, он приказывал мальчишке, дразнил и издевался над ним, а Геф нервически смеялся в ответ на его колкости. Джелин использовал парнишку, как рабочего ослика, оба они пришли промокшие и уставшие после того, как пытались поднять из воды лодку Джелина. Геф не жаловался, наоборот, он заискивал перед Джелином в ответ на его внимание. С их отцом он никогда так себя не вел. Отец всегда обращался отстраненно и неприветливо и с сыном, и с дочерью. Возможно, их отец и не был с ними ласков, но, простоватый он или нет, то, что Геф так скоро забыл его, было неправильно. Скорее всего, их отец даже еще не умер. Таура молча кипела про себя.

Но к ночи стало еще хуже. Ее мать приготовила тушеную рыбу, более похожую на похлебку, так как она разбавила блюдо, чтобы хватило на всех. Варено получилось жидким и какого-то серого цвета, с маленькими кусочками рыбы, которую поймали с берега, крахмалистыми корнями бурой лилии, росшей на обрывистом берегу, ламинариями и мелкими моллюсками с побережья. Оно выглядело и пахло, как мелкий прилив. Из-за того,

что на всех не хватало мисок, им пришлось есть по очереди. Таура с матерью ели последними, Тауре досталась совсем маленькая порция, а матери пришлось выскабливать котелок, чтобы поесть хоть что-то. Пока Таура медленно черпала ложкой жидкую похлебку с кусочками рыбы и корнями, Джелин тяжело уселся напротив. — Что-то должно измениться, — резко произнес он, а ее мать молча раскрыла рот от изумления.

Таура прямо взглянула на него. Он уставился на нее, не на мать.

- Легко заметить, что в этом доме не протолкнуться. Ни еды, ни постелей, ни места. Итак. Либо мы должны найти способ увеличить количество всего этого, либо придется просить кое-кого уйти.

Ее мать молчала, вцепившись обеими руками в край стола. Таура искоса взглянула на нее. В глазах матери было беспокойство, губы были плотно сжаты, напоминая завязанный шнурком мешок. От нее помощи не будет. Отца ее увели меньше пяти дней назад, а собственная мать уже предала ее. Она встретила взгляд Джелина, и она гордилась тем, что голос ее не дрогнул, когда она произнесла: - Ты говоришь обо мне.

Он кивнул в ответ. — Понятно, что забота о маленьком Корделе не подходит тебе. Или ему. Ты стоишь на страже ради поселка, но от этого не становится больше ни пищи, ни дров в поленнице. Ты пренебрегаешь обязанностями, которые необходимо выполнять, а то, о чем мы просим тебя, ты делаешь неохотно. Большую часть дня ты проводишь у огня, надувшись и в дурном настроении.

Она ощутила холодок в спине, пока он перечислял ее прегрешения. В ушах звенело. Молчание матери было приговором. Ее брат стоял вдалеке от стола, уставившись под ноги, стыдясь за нее. Возможно, испуганный. Чувствовалось, что оба они оправдывали Джелина. Оба они поступились преданностью своей семье ради Джелина еще тогда, когда отдали ему отцовский меч. А он все говорил и говорил, предлагая ей присоединиться к тем, кто после отлива роется на берегу в поисках крошечных моллюсков. Или она могла бы потратить четыре часа на прогулку до Шератона, узнать, не сможет ли найти там работы себе, хоть чего-нибудь, чтобы заработать несколько монеток за день и принести в дом немного еды. Она молчала, ни отвечая ему, ни позволяя измениться выражению своего лица.

Когда же он, наконец, закончил говорить, заговорила она. — Я полагала, что наша комната и место за столом здесь были хорошо оплачены заранее. Разве не ты взял меч моего отца в изящных кожаных ножнах, на которых вытеснен девиз моей семьи? «Следуй за сильным» - гласит он! Это прекрасный меч, выкованный в Баккипе. Отец носил его, когда служил в гвардии короля Шрюда в те времена, когда тот был молод и энергичен. Теперь меч, который должен был стать моим наследством, у тебя!

- Таура! — выдохнула ее мать, но звучало это скорее, как увещевание, а не как горестное осознание того, что же именно она отдала чужим.

- Неблагодарная сука! — выдавила жена Джелина, а тот требовательно спросил: - Ты можешь есть меч, глупая девчонка? Может ли он прикрыть твою спину от дождя, или согреть ноги, когда выпадет снег?

Таура только открыла рот, чтобы ответить, как они услышали крик. Он раздался неподалеку. Кто-то пронесся мимо их дома, вопя и задыхаясь. Таура первой вскочила на ноги и распахнула дверь, вглядываясь в дождливую ночь, хотя Джелин и Дарда кричали ей, -

Закрой двери и запри на засов! Как будто их ничему не научила судьба тех, кто заживо сгорели в своих домах, подожженных налетчиками.

- Они идут! – крикнул кто-то. – Они идут с берега, с моря! Они идут!

Сзади к ней подошел и прижался брат, из-под ее руки выглянув наружу. – Они приближаются! – сказал он с дурацким одобрением. Мгновение спустя раздались свисты. По два свиста, снова и снова.

- Яйца Эля, закрой эту чертову дверь! – проревел Джелин. Меч, который он так охаивал минутой раньше, сейчас он держал в руках обнаженным. Вид его и брошенных на пол изящных ножен довели ярость Тауры до белого каления. Она оттолкнула назад брата, ухватила за край двери и захлопнула ее перед самым его носом. Мгновение спустя ей пришло в голову, что было бы неплохо прихватить с собой плащ, но уж слишком хороша была ее дерзкая выходка, чтобы испортить ее возвращением за ним.

Шел дождь, не сильный, но неустанно моросивший мелкими капельками. Из домов выходили другие жители, всматриваясь в темноту. Немногие захватили свое жалкое оружие, - дубинки, ножи для разделки рыбы и багры. Все, что было у них, - их орудия труда, - никогда не были предназначены для боя или защиты. Продолжительный крик раздался и затих в ночи.

Большинство жителей остались стоять в дверях, лишь немногие, смелые, а может отчаявшиеся, осмелились выйти наружу. Разрозненной группой они пошли темной улицей туда, откуда раздался свист. Один из мужчин держал в руке фонарь. В его свете Таура видела поврежденные дома, - несколько сгоревших дотла и остовы из обугленных бревен. Она увидела мертвого пса, так и не прибранного с улицы. Может быть, его хозяев уже и не было в живых. Несколько домов стояли относительно невредимыми, из закрытых ставнями окон на улицу просачивался свет. Ей был отвратителен запах мокнувших под дождем обугленных развалин. Вещи, которые захватили налетчики, а затем бросили, валялись на улице, обгоревшие и насквозь промокшие. Крик более не повторялся, и это показалось Тауре более пугающим, чем если бы закричали снова.

Тот, кто нес фонарь, высоко его поднял, и в неверном его свете Таура увидела несколько приближающихся силуэтов. Мужчина из их группы вдруг воскликнул, - Атильда, ты жива! – Он кинулся к женщине. Она не ответила на его приветствие. Вместо этого она резко остановилась и уставилась на завалы на месте дома. Таура и остальные медленно приблизились к ним. Мужчина стоял рядом с Атильдой, вопрошающе глядя на нее. Ее волосы слиплись под дождем, ее мокрая одежда висела бесформенным балахоном. Он заговорил. – Они сожгли твой дом. Сожалею, Атильда.

Не произнеся ни слова, она отвернулась от него. Дом по соседству с ее развалинами уцелел во время нападения. Она двинулась к нему, попыталась открыть дверь, затем стала колотить в нее. Дверь медленно открыла пожилая женщина. – Атильда! Ты спаслась! – воскликнула она. На ее лице показалась неуверенная улыбка.

Но перекованная не сказала ни слова. Она оттолкнула старую женщину в сторону и вошла вовнутрь. Та, запинаясь, последовала вслед за ней. Изнутри Тауре послышался возмущенный крик, - Пожалуйста, не ешь это! Это все, что у меня припасено для моего внука!

Прежде, чем Таура успела изумиться, по улице по направлению к ним уже бежала какая-то женщина. Она вскрикнула в ужасе, пробегая между двумя бредущими фигурами, затем, увидав сгрудившуюся группу людей, разрыдалась. – Помогите! Помогите! Он меня изнасиловал! Мой родной брат меня изнасиловал.

- Ох, Деле! – с рыданием в голосе произнес мужчина из их группы и накинул на нее свой плащ, прикрыв ее изодранное в клочья одеяние. Она приняла плащ, но отпрянула от его прикосновения.

- Рофф? Это ты? – спросил человек с фонарем высокого мужчину, вышедшего к ним из темноты. Этот шел с обнаженной грудью и босиком, кожа его ярко покраснела от холода. Он не ответил и внезапным ударом свалил на колени юношу из их группы. Сорвал плащ с плеч юноши, чуть не задушив при этом. Завернулся в отобранный плащ, взглянул мельком на оторопевших зевак, отвернулся и пошел в сторону дома.

- Это не твой дом, Рофф! – закричал человек с фонарем, в то время, как другие помогали потрясенному парню подняться на ноги. Они сбились в кучу еще более плотно, как овцы, окруженные волками.

Рофф не остановился. Он попробовал открыть дверь и обнаружил, что она заперта. Он отступил на пару шагов, а затем, с ревом, замахнулся и со всей силы саданул в дверь ногой. Она распахнулась, вышибленная. Изнутри стали слышны сердитые крики и пронзительный визг. Таура все еще стояла с раскрытым ртом, когда Рофф вошел вовнутрь. – Рофф? – спросил мужской голос, а мгновение спустя ночь наполнилась звуками драки. Несколько мужчин целеустремленно двинулись к дверям. Навстречу им выбежала женщина с маленьким ребенком на руках, крича, - Помогите! Помогите! Он убивает моего мужа! Помогите!

В то время, как двое мужчин кинулись вовнутрь, Таура недвижимо стояла в темноте улицы. – Вот что он имел в виду, - с удивительным спокойствием поняла она. - Он был прав. Она посчитала человека короля безумцем, однако он был прав во всем.

На улицу, спотыкаясь, вывалились Атильда и пожилая. Они люто вцепились друг в друга, а в дверном проеме остался стоять маленький ребенок, вопя от ужаса. Несколько человек подскочили к ним, чтобы разнять, другие кинулись оттаскивать Роффа. Посреди криков и дерущихся, Таура посмотрела вдоль по улице и в свете из распахнутых дверей увидела еще нескольких приближающихся Перекованных. Жители раскрыли двери домов, всмотрелись в происходящее, и вновь их захлопнули. В ней боролись опасения и надежда, - увидит ли она силуэт своего отца среди них? Но его там не было.

Паренек, у которого Рофф отнял плащ, прыгнул ему на спину, когда другие мужчины вытащили того из дома. Он обхватил рукой шею Роффа, крича, - Верни мне мой плащ! – Один из мужчин попытался оттащить его от Роффа, пока трое других изо всех сил пытались того удержать, и кто-то кричал, - Рофф! Брось, Рофф! Дай нам помочь тебе! Рофф! Перестань с нами драться!

Однако он не прекратил, и, в то время как его противники пытались лишь удержать его, он лупил со всей силы так, как будто бы получил удовольствие, если бы убил их или расшвырял в стороны. Таура уловила то мгновение, когда мужчины перестали сдерживать себя. Рофф был повален на землю тяжестью остальных бойцов. Лишь один человек упрашивал оставить Роффа, однако остальные с проклятиями били его и пинали ногами.

Однако Рофф продолжал драться. Покончил с ним свирепый удар ногой по голове, и Таура закричала, увидев, как хрустнула шея Роффа, и его ухо ткнулось ему в плечо. Как бы это ни было неожиданно, но он все еще оставался жив. Еще два удара ногами двух разных мужчин. А потом, как обруганные хозяином псы, они молча разом шагнули назад от лежащего тела.

А на улице мужчина, который первым поприветствовал Атильду, обхватил ее сзади, удерживая ее руки прижатыми к бокам. Пожилая сидела на земле посреди улицы и плакала, плакала. Атильда откинула голову назад, дико клацая зубами, и пинала голыми пятками по ногам человека, державшего ее. Во вспышке прозрения Таура поняла. Пираты намеренно освободили их замерзшими, голодными, бездушными, чтобы у отпущенных сразу же появились причины напасть на их собственные семьи и соседей. И именно поэтому они спалили только половину поселка? И было это сделано для того, чтобы те, кто остались, почувствовали на себе всю ярость своих же людей?

Но на то, чтобы обдумать эту мысль, не было ни времени, ни тишины.

- Милая Эда! – закричал невдалеке какой-то мужчина, приятель Роффа, и разрыдался.
– Вы убили его! Рофф! Рофф! Он мертв! Мертв!

- Атильда! Прекрати! Перестань!

Но Рофф валялся на земле, из окровавленного рта его вывалился язык, а Атильда молча все клацала и клацала зубами, боролась и пинаясь. В это же мгновение, сквозь шум и гам, Таура услышала плач, грохот, пронзительный визг и яростное рычание, доносившиеся отовсюду. Кто-то свистел, отчаянно, снова и снова. Их люди возвратились, перекованные, в точности так, как предупреждал их посланец короля Шрюда. Но теперь Таура ясно понимала, что это означает. Они в самом деле взяли бы все, что захотели, или в чем нуждались бы. И кое-кого, подобно Роффу, ничто не остановило бы, кроме смерти.

Посельчане убьют ее отца. Таура вдруг ясно это поняла. Ее отец был сильным и упрямым мужчиной, самым сильным из всех, кого она знала. Он не остановится, пока не получит то, что ему требовалось. И единственным способом остановить его и не дать забрать то, чего он возжелает, будет его убить.

Папа.

Где бы он мог быть? Откуда он мог бы прийти? Свистки и крики, и вопли ужаса доносились со всех сторон. Перекованные возвращались, и было это еще хуже, чем в ту ночь, когда пришли налетчики, устраивая пожары, насилая и убивая. То нападение потрясло всех. Но они знали, что посельчане должны возвратиться. Поначалу их охватили страхи и надежды, постепенно затихшие. И вот сейчас, когда люди только-только начали налаживать свою жизнь, восстанавливать свои дома и вытаскивать на берег лодки для ремонта, пираты ударили снова. Используя их же людей, как оружие. И ее отца в качестве атакующего.

Где бы он мог быть?

И ответ был ей известен. Он вернется домой.

Таура бросилась бежать по темным улицам. Ей дважды пришлось уворачиваться от перекованных. Она узнала их даже в тусклом свете, просачивавшемся из закрытых ставнями окон. Они бродили, одеревенелые и промерзшие, как будто недоумевающие от того, что их сунули обратно в жизнь, которой они когда-то жили. Она проскочила мимо Дженда

Зеленодуба⁸, стоявшего посреди улицы на коленях и всхлипывающего, - Но дитя? Где наше дитя?

Таура замедлила шаги и, против своего желания, уставилась на него. Жена Дженда, Салэл, стояла на улице, с ее одежды все еще капала морская вода, и на руках у нее не было младенца, которого она унесла на Красный корабль. Она стояла, уставившись на обгорелые развалины своего дома. Затем резко произнесла, - Я замерзла и хочу есть. Ребенок ничего не делал, только плакал. Он был бесполезен. – Она говорила это голосом, лишенным каких-либо эмоций, в нем не было ни гнева, ни сожаления. Она просто утверждала свое. Стоявшего на коленях Дженда качнуло, а она прошла мимо него, обхватив себя руками от холода. Быстрыми шагами она направилась по улице прямо к освещенному дому. Что должно произойти далее, Таура уже знала.

Но женщина, которая вышла из дома, держала в руках дубинку. – Запри дверь на засов. Никому не открывай, кроме меня! – через плечо велела она кому-то.

И эта женщина не ждала, пока Салэл попытается войти. Она шагнула вперед, чтобы встретить ее, замахнувшись дубинкой. Салэл не отступила. Наоборот, выплеснула наружу свою ярость из-за того, что ей мешают, и с нечеловеческим визгом, растопырив пальцы, как когти, бросилась на женщину.

- НЕТ! – завопил Дженд, а его ноги сами торопливо понесли его заступаться за жену. Тауре внезапно стало очевидно, что так и должно было случиться. Кто-то встанет рядом со своими любимыми, перекованные они или нет, а кто-то любой ценой станет защищать свои дома и своих близких. Дженд, получив сильнейший удар в живот, отлетел на улицу, но Салэл дралась, не обращая внимания на отвисшую вывернутую челюсть. Оборонявшаяся женщина визжала без слов, превратившись в такую же дикарку, как и перекованная, с которой она дралась. Мужчины, которые только что сражались с Роффом, стояли и кричали друг на друга. Таура кинулась мимо них, подгоняемая ужасом и страхом. Она не желала смотреть, как этой ночью умирает еще один человек.

- Держись своей семьи, - всегда говорил ей отец. Она помнила тот день. Какой-то человек обругал Гефа, выскочившего на середину улицы в восторге от пролетавшей в небе гусиной стаи.

- Держите своего придурковатого мальчишку привязанным к своему крыльцу! – крикнул им возница. Ему пришлось резко натянуть вожжи, и из его повозки чуть не вывалилась скользкая свежельовленная рыба, которой она была загружена. Папа стащил его с козел и избил прямо на улице. И не имело значения, что отец мог гнушаться своим простоватым сыном в стенах собственного дома, - при посторонних он его защищал. Ее мать повторила те же слова, когда отец вошел с разбитыми в кровь костяшками пальцев и синяками вокруг глаз. – Мы всегда верны нашей крови, – сказала она Тауре. Тогда Таура не сомневалась, что та имела в виду именно это. Сегодня вечером, возможно, ее мать вспомнит, где следовало быть ее верности.

Таура задыхалась. Она бежала трусцой, не неслась во всю прыть, а мысли ее забежали гораздо дальше того места, куда она устремилась. Она вполне могла бы вернуться к своей прежней жизни. Она могла бы найти отца, а он бы ее узнал. Она предостережет его,

⁸ В оригинале *Greenoak*.

предохранит от тех жителей, кто может не понять. И даже если бы он никогда не проявил привязанности ни к кому из них, он все равно оставался бы папой, и ее семья снова была бы вместе. Она предпочла бы спать на холодной земле вместе со своей семьей, нежели спать на полу у очага в доме Джелина.

Она пробежала мимо дома Джелина и миновала частично сожженные дома, в стороне от тусклого света, просачивавшегося из окон. Эта часть поселка была мертва, она смердела сгоревшим деревом и сгоревшей плотью. Она всю свою жизнь прожила в одном доме, но сейчас, среди всех этих развалин, она вдруг утратила уверенность в том, что сможет определить, какое из пепелищ было когда-то ее домом. Слабый лунный свет, лившийся с неба, смутно отражался лишь от мокрого дерева и камня. Сейчас она бежала по совершенно чуждому ландшафту, по местам, где она никогда раньше не была. Все, что ей когда-либо было знакомо, сгинуло.

Она почти врезалась в отца прежде, чем разглядела его. Он неподвижно стоял, уставившись на то, что когда-то было их домом. Она отпрянула и остановилась. Отец медленно повернулся к ней, на мгновение лунный свет отразился в его глазах. Затем лицо его вновь погрузилось во тьму. Он не произнес ни слова.

- Папа? – спросила она.

Он не ответил.

Слова сами потекли из нее. – Они сожгли дом. Мы видели, как они уводили тебя. У тебя голова была в крови. Мама велела мне убежать и спрятаться. Она кинулась отыскивать Гефа. Я взобралась высоко на старую иву, с которой было видно всю бухту. Они забрали тебя на свой корабль. Что они с тобой сделали? Они причинили тебе боль?

Он оставался абсолютно неподвижен. Затем тряхнул головой, легким быстрым движением, будто прогоняя назойливо гудящего возле уха комара. Двинулся мимо нее в сторону слабо освещенной части поселка, той, что осталась. Она заколебалась поначалу, затем быстрым шагом пошла вслед за ним. – Папа, другие в поселке знают, что тебя увели. Приходил человек от короля. Он велел всем в поселке защищаться от перекованных. И, если придется, убить их.

Отец продолжал идти.

- Папа, ты перекован? Они что-то с тобой сделали?

Он продолжал идти.

- Папа, ты узнал меня?

Он замедлил шаг. – Ты Таура. И ты слишком много болтаешь. – После того, как были произнесены эти слова, он вновь ускорил шаг.

И все, что она могла сделать, - это идти следом за ним, иногда сбиваясь с шага на бег. Он узнал ее. Он всегда высмеивал и поддразнивал ее, что она такая болтуня! Его голос звучал невыразительно, но ведь он был замерзшим и промокшим, голодным и усталым. Все-таки он узнал ее. От холода она обхватила себя руками и заторопилась вслед за ним. – Папа, ты должен выслушать меня. Я видела, как они убивали некоторых из тех, кто был похищен. Мы должны быть очень осторожны. И тебе нужно оружие. Тебе нужен твой меч.

Пять шагов он придерживался своего темпа ходьбы. Затем произнес: – Мне нужен

мой меч.

- Он в доме Джелина. Мама, Геф и я остановились там, спали на полу. Мама отдала ему твой меч, чтобы он позволил нам остаться у него. Он сказал, что меч может понадобиться ему, чтобы защищать жену и ребенка. – От всей этой беготни у нее сильно болело в боку, и, невзирая на то, что она обхватила себя руками, холод пробирал до костей. Во рту пересохло. Но она оставила все это побоку. Как только папа окажется внутри дома, со своим мечом, - он будет в безопасности. Они все снова будут в безопасности.

Отец повернул к первому же освещенному дому.

Нет! Не туда! Они попытаются убить тебя. Сначала нам нужно получить твой меч. Потом ты сможешь согреться и немного поесть. Или попить горячего. – Теперь, когда она подумала об этом, ей пришло в голову, что, возможно, никакой еды и не осталось. Но был бы чай и, может быть, немного хлеба. Лучше, чем ничего, - подумалось ей. Отец пошел дальше. Она кинулась вперед него. – Иди за мной! – велела она.

В ночи раздался пронзительный вопль, но издалека, не поблизости. Она его проигнорировала так же, как проигнорировала сердитые крики, разразившиеся и утихшие. Она не замедлила шагов, однако же торопливо свернула в сторону, жестом показав, чтобы он шел за ней. В молчании он двинулся следом.

Они дошли до дома Джелина. Она подбежала к двери и попыталась ее открыть. Но та была заперта на засов. Она ударила по ней кулаками. – Пустите меня! Откройте! – крикнула она.

Изнутри послышался голос ее матери. – Благодарение Эде! Это Таура. Она вернулась. Пожалуйста, Джелин, ну пожалуйста, позволь ей войти!

Тишина. Затем она услышала звук отодвигаемого засова. Она схватилась за ручку и резко распахнула дверь как раз, когда рядом с ней появился отец. – Мама, я нашла папу! Я привела его домой! – крикнула она.

В дверях появилась ее мать. Она посмотрела на Тауру, затем на мужа. В глазах загорелась безумная надежда. – Барк? – спросила мать, голос ее надломился.

- Папа! – Голос Гефа звучал и вопросительно, и боязливо.

Джелин оттолкнул их обоих в сторону. В руке он держал обнаженный отцовский меч. Он поднял его перед собой и нацелил в папу. – Назад, - произнес он низким, несущим смерть голосом. Он бросил взгляд на Тауру. – Ты глупая маленькая сучка. Зайди вовнутрь и встань позади меня.

- Нет! И дело было не в том, что он обозвал ее сукой. Но он недрогнувшей рукой направил лезвие на отца. Джелин даже не собирался дать ему шанса. – Позволь нам войти! Позволь войти папе, позволь ему согреться и съесть что-нибудь. Это все, в чем он нуждается. Это все, в чем нуждается любой перекованный, и я думаю, что если мы это дадим им, у них не будет повода причинять нам вред. – Под ничего не выражающим взглядом Джелина ее охватило отчаяние. – Мама, скажи ему, чтобы он нас впустил. Это наш шанс снова стать семьей.

Слова были произнесены. Она шагнула вперед, не вплотную перед отцом, но поближе к нему, демонстрируя Джелину, что ему придется сначала ударить ее, прежде чем он сможет схватиться с папой. Она не была перекована. Он не сумел бы найти оправдание ее ранению.

Позади нее заговорил отец. – Это *мой* меч. – На последнем произнесенном слове в голосе его послышался гнев.

- Входи вовнутрь, Таура. Сейчас же. – Джелин переместил взгляд на ее отца. Он жестко произнес: - Барк, я не хочу причинить тебе боль. Уходи.

Сзади него, внутри дома, заплакал ребенок. Жена Джелина начала всхлипывать. – Сделай так, чтобы он ушел, Джелин. Заставь его уйти. И ее вместе с ним. С ней одни проблемы. Сладостная Эда, смилуйся надо мной и моим ребенком! Прогони его! Убей его!

Голос Дарды звучал истерично, а Таура рассмотрела во взгляде Джелина, что он был с нею согласен. Может, он и впрямь ударил бы ее? Ее голос повысился до визга, вопреки ее желанию. – Мама? Ты позволишь ему убить нас обоих? Собственным мечом папы?

- Таура, войди внутрь. Твой отец сам не свой. – Голос матери дрогнул. Она крепко прижимала к себе Гефа. Он всхлипывал, задыхаясь, - приближалось одно из его состояний полной потери самообладания. Скоро он забьется в истерику, рыдая и крича.

- Мама, пожалуйста! – умоляла Таура.

А потом отец ухватил ее за загривок и за ворот рубахи. Он швырнул ее вовнутрь дома. Она врезалась в Джелина, затем свалилась ему прямо на ноги. Тот потерял равновесие и взмахнул руками, и тогда отец достал его, уклонившись от кончика собственного меча и схватив Джелина за запястье. Тауре была знакома эта, подобная тискам, хватка. Она наблюдала, как отец вытаскивал со дна здорового палтуса, плотно ухватившись за леску. Через мгновение произошло то, что, как она знала, и должно было произойти. Джелин вскрикнул, меч выпал из его слабой руки. Прямо возле нее. Она ухватила его за рукоять и на четвереньках отползла обратно в комнату.

- Папа, я забрала его! Я забрала его для тебя!

Отец не ответил. Он не отпустил свою хватку на запястье Джелина. Джелин кричал, сыпал проклятиями и сражался с одной папиной рукой, как будто он смог бы победить, разорвав эту хватку. Отец оскалился, глаза его были пусты. Джелин прилагал все силы, чтобы вырваться. Но папа рывком дернул маленького человека на себя. Его свободная рука дотянулась до глотки Джелина. Он схватил его своей большой ладонью, прямо под челюстью. Затем сдавил, а потом резко отпустил запястье Джелина и обе его руки оказались у того на шее. Он приподнял Джелина так, что тот едва касался пола пальцами ног. Отец смотрел на него очень пристально, линия сжатых губ ничего не выражала, пока он душил этого человека. Он склонил голову набок и с искренним интересом рассматривал потемневшее лицо Джелина.

- Нет! – завизжала Дарда, но ничего не сделала, лишь отступила в угол, схватив своего ребенка. Геф, раскачиваясь, обеими руками схватил себя за волосы и причитал во весь голос. Мать Тауры была единственной, кто вмешался. Она ухватила за одну из папиных могучих рук и тянула за нее. Она всем весом повисла на ней, будто пытаясь раскачать ветвь дерева.

- Барк! Нет, нет, отпусти его! Барк, не убивай его! Он был добр к нам, он приютил нас! Барк! Остановись!

Но отец не остановился. Глаза Джелина были распахнуты, рот широко раскрыт. Он поначалу хватался за папины руки, но вот уже руки его упали и безвольно болтались по бокам, когда отец тряс его. Таура посмотрела вниз, на меч в ее руках. Она подняла его,

обхватив рукоять обеими ладонями, неуверенная в том, что ей следует делать. Ее трясло, а меч был тяжел. Она твердо уперлась ногами, напрягла плечи, жестко зафиксировала лезвие как раз в тот момент, когда папа выпустил из рук упавшее на пол тряпичное тело Джелина. Он посмотрел на жену, все еще цеплявшуюся за его руку. Затем резко распрямил руку, сбрасывая ее в сторону, и та отлетела назад.

Прямо на меч.

Таура выронила из рук клинок, когда мать налетела на него. Он вошел в нее, застрял, затем, когда мать рухнула на пол, выпал из раны. Отец сделал два шага вперед и слева ударил Гефа. Удар бросил того на пол. – Не ори! – зарычал он на своего слабоумного сына. И, что удивительно, Геф повиновался. Геф подтянул колени вплотную к груди и обеими руками зажал окровавленный рот, в ужасе глядя на отца. Этот же приказ заставил умолкнуть и Дарду. Жена Джелина одной рукой зажала свой рот, а другой крепко притиснула к себе Кордела, заглушая его вопли.

- Еды! – приказал отец. Он подошел поближе к огню и протянул руки, согревая их. Джелин не двигался. Мать Тауры села, постанывая и прижимая руки к боку. Таура посмотрела на меч на полу.

- Еды! – снова произнес отец. Он обвел их всех взглядом, и по глазам его невозможно было понять, отличает ли он свою истекающую кровью жену от съевшейся жены Джелина. Геф, умолкнувший и боящийся пошевелиться, был, как всегда, бесполезен.

Таура наконец обрела голос. – Папа, сядь, пожалуйста. Я посмотрю, что можно найти для тебя, - сказала она и направилась в кладовку Дарды. Налетчики не спалили дом Джелина, но разграбили и унесли с собой все съестное, что смогли отыскать. Она сомневалась, что многое найдет на полках. В деревянном ящике Таура обнаружила полбуханки хлеба. И это было все. Но когда она спустила вниз этот ящик, чтобы достать хлеб, она заметила что-то, спрятанное за ящиком. Несколько кусков сухой рыбы и большой клин сыра, завернутые в чистую тряпицу. Еще больше она возмутилась, когда отодвинула в сторону найденное и обнаружила хранящуюся в сумке картошку, горшок с медом и котелок с топленым салом. Сушеные яблоки в самой - самой глубине полки. И целая коса чеснока! Дарда прятала все это изобилие еды и вынуждала их существовать на жидком супчике!

- Вы прятали от нас хорошую еду! – негромко, обвиняющим тоном сказала она Дарде, указывая на шкаф. Она отломила кусок сыра и запихнула себе в рот. Позади нее взревел отец: - Сейчас же! Я хочу есть сейчас же!

Таура глянула через плечо, - отец, оскалив зубы, смотрел на нее. Глаза сужены, из горла раздается угрожающее рычание. Таура принесла хлеб, мед и сыр к столу. Он не стал ждать, пока она аккуратно все расставит, и обеими грязными руками выхватил хлеб. Она выронила сыр и поставила на стол мед.

Она отошла от стола. Искоса взглянула на Дарду, и негромко заговорила. – Мама, они обманывали нас. Джелин сказал, что того, что здесь имеется, недостаточно для всех, а Дарда припрятала от нас еду!

Голос Дарды дрожал от страха и презрения. – Эта еда была нашей до того, как все случилось! Мы не обязаны с вами делиться! Это была еда для моего мальчика, она ему нужна, чтобы расти! И Джелин, и я не ели ее! Это была еда для Кордела!

Ее отец, казалось, ничего этого не слышал. Он схватил ломоть хлеба и нетерпеливо откусил от него громадный кусок. С полностью набитым ртом крикнул, - Пить! Что-нибудь пить. Меня жажда мучает!

Все, что было – это вода. Таура наполнила кружку и отнесла ему. Ее мать поднялась, шагнула, пошатнувшись, затем сложилась пополам и прижалась к Гефу. Ее слабоумный братец раскачивался вперед-назад. Вместо того, чтобы осмотреть свою рану, мать попыталась успокоить его. Таура взяла тряпицу, в которую был завернут хлеб, и подошла к ней. – Дай взглянуть на твою рану, - сказала она, присев рядом.

Глаза матери полыхнули темным огнем. – Прочь от меня! – крикнула она и так оттолкнула Тауру, что та растянулась на полу. Однако она схватила ткань и прижала к своим ребрам. Она окрасилась кровью, но не слишком сильно. Таура поняла, что лезвие порезало ее, но неглубоко. Сама она все еще была в ужасе.

- Прости меня! – сказала она неловко. – Я не собиралась причинить тебе боль! Я не знала, что мне делать!

- Ты знала. Ты просто не захотела сделать это. Как и всегда, все делаешь по-своему!

- Семья на первом месте! – крикнула она. – И ты, и папа всегда это говорили. Семья на первом месте!

- Он что, выглядит так, будто думает о своей семье? – требовательно спросила мать. Таура посмотрела на отца. Тот уже прикончил почти весь сыр. Затем куском хлеба дочиста протер изнутри горшочек с медом, подбирая остатки сладости. Она видела, как он сунул его себе в рот. Отброшенный горшочек из-под меда покатился к краю стола и с грохотом упал на пол, разбившись.

Ее мать поднялась на ноги, опираясь на плечо Гефа. – Вставай, мальчик, - тихонько сказала она, дернув его, и он встал. Она взяла его за руку и повела обратно, туда, где жались Дарда и сын Джелина. – Оставайся здесь, - велела она, и он уселся на пол рядом с ними. Зажимая свой бок, она встала между ними и своим мужем. Таура медленно поднялась на ноги. Она спиной оперлась на стену, переводя взгляд с отца на мать.

В очаге потрескивал огонь, отец шумно ел, вгрызаясь острыми зубами в хлеб. В открытую дверь врвались ветер с дождем. Где-то вдалеке все еще кричали люди. Дарда обнимала своего ребенка и всхлипывала над ним, а Геф переживал все вместе с ними, мурлыкая какой-то детский мотивчик. Джелин молчал. Мертвый. Таура крадучись переместилась ближе к столу. – Папа? – произнесла она.

Взгляд его обратился к ней, затем вернулся обратно, к хлебу. Он откусил еще кусок.

- Семья на первом месте, папа? Разве не так? Разве мы не должны быть вместе, чтобы восстановить наш дом и поднять нашу лодку?

Он пробежался взглядом по комнате, и в ней вспыхнула надежда, что он заговорит. – Больше еды. – Таков был его ответ. В глазах его был такой отблеск, какого она никогда раньше не видела. Как будто в них отсутствовала глубина, - так отблескивали лужицы на солнце. И ничего внутри.

- Больше ничего нет, - солгала она.

Он прищурил глаза и оскалился. У нее перехватило дыхание. Отец запихнул в рот

остатки хлеба. Затем набил рот сыром. Пока он все это пережевывал, он покачивался из стороны в сторону, сидя на стуле, затем поднялся. Она отступила от него. Он схватил кружку, допил оставшуюся в ней воду и бросил ее. – Папа? – умоляюще сказала Таура.

Он посмотрел мимо нее. Подошел к супружеской кровати. Снял с колышка на стене запасную рубашу Джелина. Напялил на себя. Рубаша ему была слишком мала. А вот шерстяная шапочка Джелина оказалась впору. Он осмотрелся в доме. Зимний плащ Джелина висел на крючке рядом с дверью. Он забрал и его тоже. Запахнул вокруг плеч. Затем поворотился и осуждающе⁹ взглянул на нее.

- Ну пожалуйста, папа? – Разве не мог он быть тем, кем стал сейчас, лишь на какое-то время? Даже если он не станет вообще заботиться о них, как сказал тот бастард, разве не был он человеком, всегда знающим, что им следует делать, чтобы выжить?

- Еще еды? – Он поскреб лицо, слышно было, как его грубо остриженные ногти прошлись по отросшей щетине. Взгляд его по-прежнему ничего не выражал.

И это было все, что он произнес. Он думал лишь о том, в чем нуждался сейчас. Вовсе не о том, что может принести завтра. Вовсе не о том, где он находился, не о том, что с ним произошло, не о том, что случилось с их поселком. – Ты все съел, - вновь тихо солгала Таура. Она едва ли понимала, почему это сделала. Отец заворчал. Носком¹⁰ слегка толкнул тело Джелина и, когда тот не шевельнулся, переступил его и встал в дверном проеме. Голова его медленно повернулась из стороны в сторону. Он шагнул за дверь и остановился.

Меч его все еще валялся на полу. Неподалеку лежали и ножны. Ей было слышно, как мать выдохнула мольбу, - Сладчайшая Эда, заставь его уйти.

И он ушел в ночь.

Другие убьют его. Они убьют его, и они навсегда возненавидят Тауру за то, что она не убила его. За то, что она позволила ему убить Джелина. Дарда не станет молчать об этом. Она будет рассказывать всем.

Таура посмотрела на мать. Та взяла с кухонной полки тяжелую железную сковороду. Она держала ее за ручку так, как если бы это было оружие. Взгляд ее, устремленный на Тауру, ничего не выражал. Ну конечно. Даже ее мать будет ее ненавидеть.

Таура наклонилась, чтобы подобрать меч. Он все еще был слишком тяжел для нее. Его вес пригибал ее к земле, пока она дотягивалась до ножен. «Следуй за сильным» - напомнила ей тисненая надпись.

Она покачала головой. Она знала, что ей следовало бы делать. Ей следовало бы закрыть за папой дверь и задвинуть засов. Ей следовало бы сказать, что она сожалеет, сказать сто, нет, тысячу раз. Ей следовало бы перевязать рану матери и помочь Дарде привести в порядок тело ее мужа. Ей следовало бы взять папин меч, встать у двери и охранять их всех. Она была единственной, кто мог встать между ними и Перекованными, шастающими по улицам.

О, она знала, что ей следовало бы делать.

⁹ «*he rounded to look at her accusingly*» - довольно странная фраза, учитывая предыдущее описание пустого взгляда отца.

¹⁰ В оригинале «*He nudged at Jelin's body*», соответствующее толчку локтем, но, учитывая описываемую ситуацию, перевод таков, каков он есть.

Но ее мать была права насчет нее.

Таура оглянулась на них на всех, затем сняла плащ Дарды с крючка. Надела его, накинула плотный шерстяной капюшон на влажные волосы. Подняла меч так, что он улегся ей на плечо, как лопата. Наклонилась и свободной рукой подобрала с пола изящные ножны.

- Что ты делаешь? – возмущенно потребовала ответа мать.

Таура протянула к ней ножны. – Следую за сильным мужчиной, - ответила она.

Она вышла наружу в дождь и ветер. Пинком ноги захлопнула за собой дверь. С минуту или чуть дольше постояла под сомнительным укрытием карниза. Она услышала, как позади засов задвинули в направляющие скобы. Почти сразу вслед за этим Дарда заголосила, гневаясь, негодуя и в ярости.

Таура шагнула в ночь. Отец отошел недалеко. Его сгорбленные плечи и крадущаяся походка напомнили ей шалого медведя, бредущего сквозь дождь к своей жертве. Она приняла решение. Сунула пустые ножны за пояс и обеими руками взялась за меч. Задумалась. Если она убьет его, простит ли ее мать? Простит ли Дарда?

Вряд ли.

Она побежала вслед за ним, обнаженный меч был тяжел и подпрыгивал на плече при каждом ее шаге. – Папа! Подожди! Тебе нужен твой меч! – крикнула она ему в спину. Он остановился, оглянулся, но ничего не произнес. Но он ждал ее. Когда она поравнялась с ним, он двинулся дальше.

Она последовала за ним в ночь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Итак, вниманию российского читателя представлен перевод последнего рассказа Робин Хобб, относящегося к так называемому «Миру Элдерлингов». «Мир Элдерлингов», он же «Вселенная Элдерлингов» взяты в кавычки, так как собственно Элдерлингов в многотомной эпопее Хобб и нет. Переводчик полагает, что, если бы она была написана именно о них, то представляла бы собой, скорее всего, скучное и неинтересное чтение. Ибо что может быть скучнее, чем описание гипотетического сосуществования человеческой расы и сверхрасы разумных хищников. Сосуществование вполне восторженное, если судить по кратким экскурсам и эскизам автора.

Но эта заметка посвящена не анализу недоразумений, непонимания и недоговоренностей, которые можно отыскать, - было бы желание, - в многотомной эпопее Робин Хобб. Хотя такой анализ несомненно должен появиться хотя бы потому, что за двадцатилетний период существования Мира Элдерлингов на русском языке так и не появилось сколько-нибудь вдумчивого критического разбора произведений Робин Хобб, явно недооцененных отечественным читателем.

Это, кажется, первая из отдельного корпуса историй о «Мире Элдерлингов», помимо Принца-Полукровки, относящаяся собственно к истории Шести Герцогств. И единственная о войне Красных Кораблей. И вообще единственный текст, за исключением текстов, написанных Леди Пчелкой Видящей и включенных в последнюю трилогию, в которой о Фитце Чивэле что-то говорится не от первого лица.

Для чего и о чем же был написан этот рассказ? Не думаю, что лишь для того, чтобы показать, каким образом пытались действовать Видящие в том безумно сложном положении, в которое сами же загнали себя собственной не самой дальновидной политикой. Об этом вполне достаточно и того, что говорилось в первой трилогии о Видящих. Разве что добавлен интересный штришок к облику Фитца Чивэла, который и в юном возрасте одним лишь взглядом мог **так** воздействовать на окружающих. Возможно, это намек на интуитивное использование им Скилла? Впрочем, это перекликается с известной сценой возвращения Фитца Чивэла из Горного Королевства.

- Может быть, для того, чтобы продемонстрировать, так сказать, *in situ*, что представляли из себя Перекованные? Опять-таки Фитц Чивэл довольно подробно сам же это и обрисовал, описывая, что именно он почувствовал по прибытии в Кузницу. Пожалуй, здесь самое место задаться вопросами о содержании самого термина «Перекованный». Фитц Чивэл охарактеризовал их состояние, как состояние людей, у которых разорваны все духовные связи с окружающим миром, включая и окружающих их людей, в том числе близких. Иначе формулируя, «обездушенных». И вот здесь приходится продвигаться по очень узкой грани. Проблема в том, что сам механизм «перековывания», так до конца и не описанный в текстах Робин Хобб, можно представить себе на основании различных упоминаний, отрывков и высказываний, разбросанных по всем ее текстам. И заключался он в том, что у человека отнимались его воспоминания простой их абсорбцией некоей субстанцией, именуемой «Серебром». То есть человек подвергался полной амнезии, которая, судя по всему, является еще и постоянной амнезией, при которой не происходит восстановления памяти, что и было продемонстрировано исследованиями Чейда

Фоллстара, упомянутыми в первой трилогии о Видящих. Амнезии посвящена тьма научных, околонучных и псевдонаучных работ и здесь не то место, где их следует обсуждать. Тем не менее, следует зафиксировать феномен «Перековывания» именно как полную утрату памяти, воспоминаний.

Но позвольте, а какое же отношение имеет потеря памяти к потере души, к «обездушиванию»?

– К сожалению, у автора этих строк вразумительного ответа нет. Потому что, если потерю памяти юным Кеппетом в Мунсее, после чего он стал Фитцем Чивэллом, можно было бы объяснить **диссоциативной фугой**, то превращение обеспамятевшего человека фактически в животное российский читатель мог наблюдать разве что в известных кадрах «Мертвого сезона». Так что приходится феномен «перековывания» просто принять как не получившее (пока) рационального объяснения нечто, имеющее место конкретно в произведениях Робин Хобб. То есть просто принять за данное, что в трактовке Робин Хобб лишение памяти приводит также и к утрате категорического императива. Хотя последние абзацы рассказа заставляют усомниться и в этом.

Но, возвращаясь к предмету этой заметки, все-таки, о чем этот рассказ?

Как ни странно это звучит, но все о том же. Вновь о трагедии одиночества. О трагедии девочки-подростка, так и не испытавшей отцовской любви, и фактически преданной матерью. О переменчивости настроений и представлений. Об узости кругозора и заскорузлости мышления людей, живущих всю жизнь в замкнутом на себя мирке, лишь изредка имеющем связь с окружающим большим миром. О жестокости. Жадности и лжи. О том, на какие решения и поступки может толкнуть покинутого всеми подростка одиночество и заброшенность. О том, насколько сильно влияют на людей представления, привязанности и знания, полученные ими в детстве. О том, насколько велика может быть их преданность близким, и насколько далеко может эта преданность их завести.

И о том, о чем лишь мельком упоминалось ранее в трилогии о Видящих, - о людях, до конца остававшихся рядом со своими «перекованными» родными, о людях, готовых несмотря ни на что защищать их. О том, к чему может привести необходимость выбора между «злом и еще большим злом», - выбором, который, по воле Анджея Сапковского, был поставлен, - о, ирония имен! – злонамеренной Ренфри-Сорокопуткой перед Геральтом из Ривии, только в более брутальном варианте. И еще о том, откуда в Шести Герцогствах брались женичины-бойцы, такие, как Йек.

Тяжелый, вязкий текст.